

С возвращением сына в доме Ли Сы словно снова забурилась жизнь. Старик хлопотал по хозяйству, слушал несмолкаемую речь Гоуданя, и на душе у него было удивительно легко и радостно.

Широкая улыбка так и не сходила с его лица. Лишь под вечер, когда сумерки начали стгущаться над двором, он спохватился, заметив, что Ван Сюаня нигде не видно.

— А-Сюань что, не приедет? — спросил Ли Сы. — Неужто отца своего родного разыскал?

Другого объяснения старик просто не находил. Он ведь прекрасно знал, как крепко парни дружат — водой не разлить, повсюду вместе. Раз уж сын вернулся один, значит, А-Сюаню было куда податься. Кроме как к родному отцу, больше и не к кому.

— Да ну, отец, что ты такое выдумал? — отмахнулся Гоудань. — Здесь его дом. А не приехал он потому, что его мастер Цинь у себя оставил. А-Сюань ведь сначала на западного врача выучился, а теперь у мастера Циня традиционную медицину перенимает. Говорит, нужно как можно больше практиковаться на больных, так что на каникулах ему даже передохнуть не дают.

— Вот оно как... — протянул Ли Сы.

Старика трудно было винить за такие мысли. На его месте любой подумал бы так же. В деревне ведь каждый знал, что настоящий отец Ван Сюаня — человек из самой Столицы. А теперь, когда парень уехал учиться в Столицу, они вполне могли случайно пересечься.

— Да ты сам посуди, папа, — вздохнул сын. — Сколько лет было А-Сюаню, когда его отец уехал? А сейчас он какой вымахал? Да тут не то что отец — родная мать, восстань она из могилы, и та бы не признала. Да и с чего бы тому столичному барину о нём вспоминать? Даже если столкнутся нос к носу на улице, ни один ничего не поймёт и не догадается.

Деревенского мальчишку, выросшего в глуши, никто в здравом уме не связал бы с блестящим студентом Университета Хуада.

— И всё равно это не по-людски, — покачал головой Ли Сы. — А-Сюань ведь такой славный парень. К тому же — сын! Как можно взять и выбросить собственного ребёнка?

Для Ли Сы сын всегда оставался главной опорой в жизни: продолжатель рода, тот, кто старость обеспечит и в последний путь проводит. В голове не укладывалось, как можно отречься от родной крови.

— Кто ж его знает, — вздохнул Гоудань. — Ладно, отец. У меня каникул — больше месяца. Через пару дней я привезу сюда строительную бригаду, начнём дом перестраивать. Так что ты завтра-послезавтра прикинь, куда огород из двора перенести. Пора там всё расчистить.

— А? Ох, и то верно. Хорошо, сынок, завтра же всё приберу.

Наскоро поев и вымывшись с дороги, Гоудань даже не прилёг отдохнуть. Ему нужно было заглянуть к Дафу — занести его родителям заработанные парнем деньги. Отец с матерью встретили гостя со всем радушием, однако за приветливыми улыбками и чаем скрывался вполне шкурный интерес. Они то и дело заводили разговор о том, сколько Дафу получает на чужбине, и нельзя ли пристроить туда же его младшего брата, Дагуя.

Гоудань лишь неопределённо мычал в ответ, уходя от прямых расспросов. Другие родители, отправив детей в такую даль, первым делом расспрашивали бы, как им живётся, сыты ли они, здоровы ли. А эти с порога завели разговор о деньгах. Будто боялись, что Дафу утаил часть заработка или сам Гоудань решил прибрать чужое к рукам.

«Сказать мягко — это дремучая невоспитанность, а если честно — форменная неблагодарность».

Задерживаться у них Гоудань не стал. За секретность он не переживал: и Дафу, и Иньтоу перед отъездом получили строгий наказ помалкивать о том, кто на самом деле заправляет делом. В надёжности парней он не сомневался — лишнего они не сболтнут.

Следом он направился к Иньтоу — в дом старой тетушки Ли. Там уже знали о возвращении Гоуданя, но докучать расспросами с порога не стали, справедливо рассудив, что парень зайдёт сам, как только освободится. Старая тетушка души не чаяла в Гоудане, считая его парнем на редкость основательным и надёжным.

Стоило ему переступить порог, как хозяева так и расплылись в улыбках. Огромное семейство старой тетушки всё ещё жило под одной крышей, не разделяя хозяйства. Гоудань подоспел как раз к ужину, и его тут же принялись настойчиво зазывать к столу.

— Спасибо, тетушка, я уже сыт, — вежливо отказался Гоудань. — Садитесь ужинать, не смущайтесь меня.

Он и позабыл, что не все в деревне садятся за стол засветло, как у них дома. Кое-кто возвращался с поля совсем поздно.

Однако Ли Мингуан упрямо усадил его на скамью и плеснул в чарку местной сивухи. За это он тут же схлопотал подзатыльник от матери: старая тетушка принялась честить его за то, что спаивает городского гостя, ведь Гоудань всё ещё студент! Отсмеявшись, Гоудань заверил разгневанную женщину, что от одной чарки с братом Мингуаном вреда не будет.

Да и как откажешь при таком радушии? Заново набивать желудок рисом он бы точно не смог — и без того наелся до отвала. К тому же семья у старой тетушки огромная, еду на такую ораву готовят строго по счёту. Съешь он хоть чашку — кому-то из домашних не достанется. Время нынче голодное, лишнего куска в котелке не водится.

Так что домашнее рисовое вино оказалось самым удобным выходом, и Гоудань неторопливо потягивал мутноватую жидкость.

Качеством хмельное не отличалось. В посёлке жила семья, которая держала подпольную винокурню и продавала свой товар задёшево. Местные мужики, желая побаловать себя после тяжёлой недели, хаживали туда с кувшинами и брали выпивки на пару мао. Днём наламаешься в поле до седьмого пота, а вечером опрокинешь стопку — и вроде как наградил себя за труды. Ноющая боль в суставах утихает, усталость отступает, и спишь без задних ног до первых петухов.

Гоудань принялся рассказывать о столичной жизни и о том, как устроился Инъю. И старые, и малые слушали его, затаив дыхание. Взрослые то и дело тыкали пальцами в притихшую ребятню, ставя гостя в пример:

— Вот, зырьте! Настоящий студент! Будете прилежно учиться — глядишь, тоже как дядя Гоудань в Столицу поступите, на площадь Тяньаньмэнь посмотрите. Ну или хотя бы в город работать устроитесь, на тамошние машины да высотные дома поглазее!

Гоудань лишь посмеивался про себя, чувствуя неловкость от роли живого памятника упорству и труду. Те из ребят, кто постарше, смущённо улыбались и прятали глаза, а совсем малыши просто тарасились на него, переводя круглые глупые глазёнки с заезжего гостя на старших.

Затем он перешёл к делу: передал весточку от Инъю и протянул листок с записанным номером телефона лавки. Объяснил, что если заскучают по сыну, всегда могут позволить себе короткий звонок.

— Только вы это... не болтайте в деревне, — негромко добавил Гоудань. — Номер держите при себе, чужим ни к чему знать.

Родителям Дафу он этот номер давать намеренно не стал — иначе парню житья не дадут. Те живо оборвут трубку, требуя пристроить к делу младших детей, чтобы те тоже слали домой монету. Но разве в больших городах работа на дороге валяется? На любое свободное место в первую очередь берут своих, с городской пропиской. Иногородним подавай гарантийное письмо от нанимателя со всеми печатями, оформляй временную прописку, бегай за рекомендациями... Простому деревенскому мужику зацепиться в мегаполисе сейчас почти нереально.

Хоть в Южных регионах и объявили политику реформ и открытости, вольницы с перемещениями никто не давал. Патрули регулярно устраивали облавы по общежитиям и дешёвым гостиницам. Попадёшься без временной прописки — загремишь в кутузку, выпишут штраф и вышлют обратно в родной колхоз под конвоем. Да и жить где, на что питаться? Стоит допустить глупость, и все его дела в Столице мигом выплывут наружу.

В семье старой тетушки намёк поняли сразу и дружно закивали, обещая держать язык за зубами. Люди они были совестливые и докучать Гоуданю просьбами пристроить ещё кого-

нибудь из родни не стали.

Иньтоу рос парнем благодарным. С первых же заработков он умудрился выслать родным несколько отрезов ткани. К восемьдесят шестому году талоны на покупку требовали только для дорогого сукна, а простое хлопковое полотно отпускали свободно. Пусть расцветки были невзрачными и однотонными, для вечно нуждающейся деревни этот подарок стал истинным спасением. Вся семья наконец-то смогла справиться себе обновки.

Перед уходом Гоудань упомянул, что их старая развалюха совсем обветшала, и он планирует строить новый дом. Попросил невесток старой тетушки помочь с готовкой для рабочих, пообещав исправно платить за труды.

— Да бог с тобой, сынок, какие ещё деньги за стряпню? — всплеснула руками старшая невестка. — У вас в доме одни мужики, кто ж вам приготовит? Нам с девчонками не трудно прийти да у печи постоять. В деревне испокон веков друг другу так помогали, никто за это плату не берёт.

— Спасибо вам большое, — с благодарностью кивнул Гоудань.

— Ишь, рассыпался в благодарностях, — добродушно проворчала старая тетушка. — Это нам тебе в ноги поклониться надо за то, что Иньтоу в люди вывел.

— Одно дело другого не меняет, тетушка, — мягко возразил Гоудань. — Иньтоу сам парень с головой, старается изо всех сил. Моей заслуги тут мало.

— Да ведь дорогу-то ему ты проторил, — вздохнула старушка. — Мало ли у нас в деревне смыслённых ребят? А сидят по домам, потому как случая не представилось.

— Ладно тебе, мам, брось дебаты устраивать, — вмешался Ли Мингуан, а затем повернулся к Гоуданю: — Стройка — дело серьёзное, хлопотное. Ты ещё молодой, один со всем не справишься, отец твой тоже не молодеет. Так что, как начнёте — зови, рук у нас много, подсобим чем сможем.

И то правда. Род Ли в деревне Сикань считался самым многочисленным, но Гоудань не питал иллюзий: далеко не каждый однофамилец бросится ему помогать. С раннего детства он крепко усвоил, что родство по общему предку — штука зыбкая, а кровные узы с каждым новым поколением неизбежно истончаются.

«Уж если родные дядя, живые-здоровые, знаться с ними не желают и общаются как с чужими людьми, чего ждать от седьмой воды на киселе?»

На следующий день Гоудань, верный привычке, заглянул проведать Дачжуана. Тот сидел на крыльце своего дома и споро плёл корзину из бамбуковых полос.

— Ношу в уезд на базар, — утирая пот со лба, поделился Дачжуан. — Городским нравится, поначалу бойко брали. Да только другие деревенские пронюхали про это дело и давай тоже плести. Теперь в уезде этих корзин пруд пруди, копейки стоят. Да только мне деваться некуда, кроме этого ремесла ничего не умею. Вот и сижу целыми днями с лучиной.

Гоудань передал свёрток с лекарствами жене Дачжуана. Внутри лежала подробная записка от Ван Сюаня с указаниями, как принимать порошки, так что лишний раз объяснять ничего не потребовалось.

— Спасибо А-Сюаню, — негромко проговорил Дачжуан, глядя на сверток с затаённой надеждой. — Каждый раз возится со мной, столько снадобий шлёт. Если бы не он, разорились бы мы подчистую на уездных врачах.

Травмированная нога изнывала при любой перемене погоды — хоть в стужу, хоть в зной. В уездной больнице разводили руками, а вот мази и притирки Ван Сюаня отлично снимали ломоту и укрепляли суставы. Дачжуан как-то даже возил эти порошки показать уездному лекарю. Тот долго вертел склянку в руках, расспрашивал о действии, а под конец удивлённо покачал головой: состав редкий, сложный, в их краях таких мастеров отродясь не бывало, а те единицы, что умеют подобное мешать, сдерут втридорога.

Дачжуан не хотел вечно сидеть на чужой шее и думал покупать снадобья сам, но уездный лекарь быстро его отрезвил. Ван Сюань, само собой, за помощь денег не брал, отчего у калеки на душе скребли кошки. Семья едва сводила концы с концами, платить за дорогое лечение было нечем. Ван Сюань просто присылал лекарства почтой, не оставляя Дачжуану выбора — приходилось принимать эту щедрую заботу со стыдливой благодарностью.

— Какая ладная работа, — похвалил Гоудань, беря в руки одну из корзин. — Нам в хозяйстве как раз пара штук пригодится. Дачжуан, у тебя есть ещё готовые? Я бы штук пять забрал.

— Забирай хоть все! — расплылся в улыбке Дачжуан. — Денег не надо. В гору за бамбуком сходил, наволок охапку — вот тебе и материал. Плету сколько душе угодно.

В деревне плетением из лозы и бамбука владел едва ли не каждый первый. Даже старик Ли Сы нет-нет да мастерил для дома немудрёную утварь.

Гоудань прекрасно это знал. Он забирал корзины с одной целью — хоть немного облегчить душу совестливого товарища, дать ему почувствовать себя нужным.

Попрощавшись, Гоудань направился к дому покойного Ханьва. Несчастливая доля выпала этой семье. Как только дочка Ханьва подросла и отвыкла от груди, вдову забрали родственники и, по слухам, поспешно выдали замуж в другую деревню. Теперь в полупустой избе ютились лишь убитая горем мать Ханьва, дряхлые дед с бабкой да маленькая сиротка Сяофу.

Гоудань прихватил с собой нехитрые гостинцы: несколько банок питательной солодовой смеси

да отрез прочной хлопковой ткани на одежду девочке. В складки материи он незаметно спрятал пятидесятиюаневую купюру. Большим помочь он не мог, да и не знал как. В избе — ни одного трудоспособного мужчины, одни старики да мал мала меньше. Хоть соседи и родня иногда подставляли плечо, жили они впроголодь, считая каждую копейку.

Спустя пару дней в деревню прибыл бригадир, которого порекомендовал Лю Юань. Нужно было оценить фронт работ, снять замеры, обсудить планировку и, главное, договориться о цене.

По словам Лю Юаня, бригада была из «диких» — обычные вольные шабашники, но дело своё знали туго. Все крупные государственные конторы и артели с завязками «наверху» сейчас плотно сидели на казённых подрядах. Вон, как раз всю тянули шоссе от уездного центра до столицы провинции. На таких стройках крутились огромные деньги, но и грызня за контракты шла нешуточная.

Бригадир по фамилии Тань в этой системе оказался лишним. Ремесло своё он унаследовал от деда и отца, умел строить на совесть, да только связей не нажил, лицензию получить не смог, а под началом держал простых деревенских мужиков без образования. Приходилось довольствоваться частными заказами. Но в городах жильё в основном распределяло государство, а у крестьян лишней копейки на постройку нового дома отродясь не водилось — тут дай бог просто прокормиться.

Так что перебивался мастер Тань случайными заработками. Очистка городских стоков за счастье считалась. Лишь благодаря широким связям Лю Юаня Гоуданю удалось разыскать этого умельца.

— Вы не сомневайтесь, хозяин, — заглядывая в глаза Гоуданю, жарко уверял мастер Тань. Он заметно нервничал, боясь упустить редкий крупный заказ. — Сложим как надо. На века дом будет, внукам вашим послужит!

Чтобы доказать свою надёжность, бригадир принялся подробно расписывать, где и что его артель строила раньше.

— Хорошо, верю, — прервал его излияния Гоудань. — Раз дядя Лю за вас ручается, значит, сработаемся.

Сам он, конечно, ухо остро держать собирался — ежели что пойдёт не так, стройку мигом свернёт.

— Тогда я возвращаюсь за хлопцами и инструментом, — повеселел мастер Тань. — А с материалами как? Всё на месте?

— К вечеру начнут подвозить, — ответил Гоудань. — Как раз вместе и проверим качество.

— Это без вопросов! — ударил себя в грудь Тань. — Я с малых лет за отцом хвостом ходил, в глине да кирпичях возился. С одного взгляда отличу пережжённую глину от недопечённой. Своим же людям строим, тут халтура боком выйдет.

— И камень нужен хороший, крепкий, — продолжал рассуждать бригадир, оглядывая площадку. — Ты помянул, что со временем планируешь надстроить этаж. Значит, фундамент заложим поглубже. Туда бутовый камень пойдёт, да арматуру стальную залить надо бы для прочности. Сможешь достать? Если что, я могу вместе с тобой на склад съездить, отобрать лучшее.

Видя, что бригадир мужик толковый и хваткий, Гоудань окончательно утвердился в решении нанять именно его.

Вскоре к дому потянулись подводы. Кучи кирпича, брёвна и мешки с цементом выгружали прямо на просёлочную дорогу, ведущую к усадьбе Ли. Размечать участок и копать котлован полагалось строго по лунному календарю — благо благоприятный день выпадал уже на конец недели. Едва выбрав удачный час, мастер Тань привёл своих людей. На месте бывшего огорода вырос палаточный городок строителей, и тишину окраины Сикань огласили звонкие удары лопат о подсохшую землю.

<http://bllate.org/book/19654/1996821>